Проф. А. Пель. Физико-химическія основы теоріи спермина. 366 стр. въ папкѣ.

Поль Аппель. Сборникъ задачъ по раціональной механикѣ. Пер. А. Ненашева, 142 стр. М. 1900. Ц. 75 к.

Сборникъ статей въ помощь самообразованію. Изданіемъ завѣдуетъ приватъ доцентъ Московскаго Университета А. Реформатскій. Второе, вновь переработанное изд. М. 1899.

А. Жемчужниковъ. Пѣсни старости. (Стихотворенія). Спб. 1900. Ц. 1. р.

И. Кондыревъ. Инстинктъ. 229 стр. Спб. 1900. Ц. 2 р.

И. Захарьинъ. (Якунинъ). Жизнь, служба и приключенія мирового судьи. (Изъ записокъ и воспоминаній). 445 стр. Ц. 1 р.

Гаттерманъ. Практическое руководство для изученія органич. химіи. Пер. студента Гейдельбергскаго университета В. Смирнова, подъ ред. прив. доц. Московскаго университета А. Н. Реформатскаго. Съ 84 рис. въ текстѣ. 336 стр. Ц. 2 р.

А. И. Фаресовъ. Тертій Ивановичъ Филипповъ. Спб. 1900. 25 стр. Ц. 30 коп.

Гопкинсъ. Общедоступная физика. Руководство къ производству опытовъ и изготовленію приборовъ. Пер. М. Лахтина. Съ 417 рис. 416 стр. Ц. 2 р.

Редакторъ **М. Филипповъ.** Издатель **П. Сойкинъ.**

1900 годъ VII-й

НАУЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

№ 5.

МАЙ.

Изданіе П. П. СОЙКИНА
ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ
д-ра филос. М. М. Филиппова.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 29 Апрѣля 1900 г.

Типографія П. П. Сойкина, Стремянная, 12.

СОДЕРЖАНІЕ.

Стр.

I. Московская смута XVII вѣка и основа соціологіи. Проф. *Трачевскаго*. 812
II. Начало кооперативнаго движенія въ Швейцаріи. *В. Тотоміанца*. . . . . .
III. Заселеніе Крыма. *В. Аггеенко* . . . . . .
IV. Шейное ребро у человѣка съ точки зрѣнія теоріи эволюціи. *С. Чугунова*. 873
V. Философія Лао-цзы. Проф. *де-Рони* 893
VI. Мнимая антиномія. *М. Филиппова*. 903
VII. Талмудъ. *Ренана*. 914
VIII. Нѣсколько словъ по поводу взглядовъ г. Филиппова на проблему цѣнности и прибыли. *А. Волжскаго* . . . 922
IX. Теорія трудовой цѣнности и ея критики. *С. Прокоповича*. 935
X. Некритическая критика. *Владим. Ильина*. 945
XI. Новѣйшія теченія въ драмѣ. (Новая драма Ибсена; „Когда мы мертвые проснемся“). *Б. А.* 955
XII. Обзоръ журналовъ:
1. Сахаринъ („Зап. Русск. Техн. Общ.“). 2. Малолѣтніе и несовершеннолѣтніе въ тюрьмѣ. („Ж. Мин. Юст.“) . . 960
XIII. Научныя новости:
1. Предсказаніе погоды по способу г. Демчинскаго. 2. Еще о новомъ русскомъ календарѣ. 3. Зоологъ, отлученный отъ католической церкви („Science Amer.“). 4. Открытіе каолина въ Херсонской губ. 5. Прогуливающіеся коконы („La Nature“). 6. Опыты борьбы съ градомъ въ Россіи 963
XIV. Новыя книги:
1. Л. Ю. Шепелевичъ. Наши современники. *А.* 2. Вѣстникъ права. Журн. Юрид. Общества при Петерб. Универ. *А. Р.* 3. Эрнстъ Гистровъ (Gystrow). Соціологія генія *П. Берлина* 969
XV. Романъ Эмильевичъ Циммерманъ (Некрологъ). *М. Кр—ля*. 977
XVI. Книги, присланныя въ редакцію для отзыва.
XVII. Объявленія.
XVIII. Приложенія:
Берне. Мелкія сочиненія. Изъ моего дневника. Разсказы. Смѣсь. 1, 2, 3 и 4 листы.

матеріальное проявленіе (т. е. несовершенную форму)“ [1]). Къ несчастью, смыслъ этого положенія принадлежитъ къ наиболѣе спорнымъ, такъ какъ по мѣрѣ перестановки знаковъ препинанія между составными частями фразы (не содержащей никакихъ знаковъ въ оригинальномъ текстѣ) можно понимать ее различнымъ образомъ.

Какъ европейскіе переводчики, такъ и китайскіе толкователи обнаруживаютъ мало согласія между собою относительно смысла перевода; большая часть изъ нихъ, однако, предпочла придать ему значеніе, избранное мною [2]). Во всякомъ случаѣ, понимая только такимъ образомъ изреченіе Лао-цзы, можно не считать самымъ обыкновеннымъ парадоксомъ того, что сказано имъ въ послѣдней главѣ книги, а именно: „тотъ, кто пріобрѣлъ познаніе, не есть ученый“ и „тотъ, кто есть ученый, не обладаетъ имъ“.

Въ общемъ содержаніе „Tao-teh-King“ не представляетъ собою систематическаго изложенія какого-нибудь философскаго ученія: это собраніе сентенцій — и ничего больше. Нельзя этому удивляться, такъ какъ мыслители глубокой древности всегда поступали такимъ образомъ.

Полнѣйшее отсутствіе какого-бы то ни было порядка въ книгѣ Лао-цзы тѣмъ болѣе прискорбно, что малый объемъ, темнота слога и очевидное искаженіе текста, во многихъ мѣстахъ лишаютъ на всегда возможности возстановить сочиненіе съ цѣлью схватить наиболѣе вѣрнымъ и точнымъ образомъ самое высокое, если не самое древнее проявленіе мысли первоначальнаго даосизма.

Проф. де-**Рони**.
Пер. **Собанской**.

---

[1]) Tao-teh-King, гл. I.

[2]) Г. фонъ-Плэнкнеръ, который, несмотря на свой слишкомъ растянутый переводъ, иногда понималъ „Tao-teh-King“ гораздо лучше и болѣе по философски, чѣмъ его предшественники, предпочелъ избрать смыслъ, который я считаю наиболѣе соотвѣтствующимъ цѣльности доктрины, а именно: „Nur der, welcher ganz von Leidenschaften frei ist, wird im Stande sein das höchste Wesen zu erfassen; der dagegen, dessen Seele beständig von Leidenschaften getrübt wird-sieht nur das endliche—die Schöpfung“ (Der Weg zur Tugend, стр. 17).

Мнимая антиномія.

Въ февральской книгѣ „Жизни“ Струве разобралъ вопросъ объ „антиноміи“ теоріи трудовой цѣнности. Въ виду того, что, по словамъ самого автора, его статья представляетъ лишь часть большой работы, я ограничусь лишь предварительными замѣчаніями, изъ которыхъ однако выяснится, какъ я отношусь къ попыткѣ *упразднить* теорію „трудовой цѣнности“ и замѣнить ее напр. теоріей распредѣленія „продукта“. Марксъ однажды сказалъ, что смѣшно разсуждать о теоріи кризисовъ, довольствуясь однимъ лишь знаніемъ, что товаръ есть продуктъ. Очевидно, нельзя построить никакой не только экономической, но и соціологической теоріи, довольствуясь знаніемъ, что въ большинствѣ случаевъ, въ результатѣ *производства* оказывается „чистый продуктъ“. Повидимому, и Струве соглашается съ этимъ. На стр. 305 мы читаемъ: „Проблема раздѣленія общественнаго продукта между соціальными классами не связана непосредственно ни съ вопросомъ созданія продукта, ни съ вопросомъ объ образованіи и мѣрилѣ цѣнности, а является, по существу, проблемой присвоенія продукта и цѣнностей различными агентами общественнаго производства или вообще хозяйства“. Итакъ, „созданіе“ продукта не объясняетъ дѣла: въ этомъ мы согласны съ Струве. Нельзя ли объяснить что либо „присвоеніемъ“ продукта? Фраза Струве афористична и пока еще вовсе не аргументирована авторомъ; то, что въ ней относится къ *цѣнности*, подлежитъ большому спору, но для меня все-же важно признаніе Струве, что проблема распредѣленія не связана непосредственно съ вопросомъ „созданія“ продукта. Если нѣтъ непосредственной связи, то, быть можетъ, есть косвенная? Такую связь допускаютъ тѣ экономисты, которые усматриваютъ въ *теоріи цѣнности* основу для рѣшенія проблемы распредѣленія: однако Струве отрицаетъ и эту точку зрѣнія. Стало быть, онъ обязанъ прежде всего доказать одно изъ двухъ: или между созданіемъ продукта и его присвоеніемъ и распредѣленіемъ вообще нѣтъ никакой связи, ни посредственной, ни непосредствен-

ной, или же есть косвенная связь, требующая какихъ то новыхъ, еще не указанныхъ звеньевъ, не имѣющихъ ничего общаго съ теоріей цѣнности. Разберемъ первое предположеніе. Что въ нѣкоторыхъ и даже весьма существенныхъ случаяхъ распредѣленіе не находится ни въ какой непосредственной связи съ созданіемъ продукта и вообще съ хозяйствомъ, это, конечно, не новость ни для кого, и менѣе всего для Маркса. Когда средневѣковые рыцари грабили купеческіе караваны, „распредѣленіе“ продуктовъ между рыцарями и купцами не находилось ни въ какой связи съ производствомъ, а зависѣло лишь отъ силы кулака. Но и въ началѣ капиталистической эры распредѣленіе основывается не на однихъ *хозяйственныхъ* моментахъ, въ чемъ не трудно убѣдиться изъ весьма краснорѣчивыхъ разсужденій Маркса о тайнахъ „первичнаго накопленія“. Соціологическая проблема присвоенія, безспорно, отличается отъ проблемы цѣнности (включая теорію прибавочной цѣнности)—какъ общее отъ частнаго. Присвоеніе государствомъ извѣстной части прибавочнаго продукта совершенно отличается отъ проблемы цѣнности. Марксъ ни мало не повиненъ въ смѣшеніи общей проблемы присвоенія съ спеціальной проблемой капиталистическаго присвоенія, обнаруживающагося чрезъ посредство прибавочной цѣнности. Струве цитируетъ письмо Рикардо къ Макъ Куллоху, изъ котораго видно, что Рикардо надѣялся объяснить всѣ великіе вопросы ренты, заработной платы и прибыли „пропорціями, въ которыхъ весь продуктъ подраздѣляется между землевладѣльцами, капиталистами и рабочими“. Объясненія эти,—прибавляетъ Рикардо,—не связаны существеннымъ образомъ съ теоріей цѣнности. Замѣтка эта любопытна (хотя и не вполнѣ понята Струве) [1]), но она не измѣняетъ того факта, что самъ Рикардо въ своемъ капитальномъ трудѣ отнесся къ вопросу иначе, а именно разсмотрѣлъ вопросъ о распредѣленіи продукта въ тѣснѣйшей связи съ теоріей цѣнности [2]). Если Струве хотѣлъ сослаться на какой-либо авторитетъ, то слѣдовало указать на Джона Стюарта Милля, дѣйствительно сдѣлавшаго попытку дать экономическое ученіе, исходящее не изъ понятія цѣнности, съ тѣмъ, чтобы ввести это понятіе позднѣе. Попытка эта привела, однако, къ тому, что одни и тѣ же вопросы Миллю пришлось излагать по два раза—безъ цѣнности и съ цѣнностью, причемъ отсутствіе цѣнности при обсужденіи товарнаго производства приводило Милля лишь къ туманной формулировкѣ того, что потомъ излагалось яснѣе при содѣйствіи цѣнности. Гораздо правильнѣе поступилъ бы Милль, если бы изучилъ историческую *эволюцію* цѣнности. Не забудемъ, что теорія Маркса вовсе не есть общее ученіе о всевозможныхъ экономическихъ формахъ, а лишь анализъ капиталистическаго строя: но она не исключаетъ дальнѣйшаго изслѣдованія. Общей соціологической теоріи Марксъ просто не успѣлъ дать. Марксъ начинаетъ поэтому не съ „продукта“, а съ товара, и было бы желательно увидѣть теорію *капитала*, въ которой товары такъ и останутся въ видѣ продуктовъ, ни мало не заботящихся о своей цѣнности, какъ будто рѣчь идетъ о хозяйствѣ ботокудовъ или, въ лучшемъ случаѣ, о натуральномъ хозяйствѣ ранней феодальной эпохи. Струве говоритъ: „Методологическою неясностью анализа Маркса объясняется тотъ фактъ, что онъ между проблемой цѣнности и проблемой присвоенія установилъ реально не существующую связь“. Боюсь, что въ этомъ случаѣ дѣло объясняется методологическими недоразумѣніями критики, которая полагаетъ, что достаточно *отвлечься* отъ понятія цѣнности, чтобы рѣшить проблемы, вытекающія какъ разъ изъ этого понятія и внѣ его совершенно мѣняющія смыслъ: таково, какъ мы увидимъ, понятіе *нормы прибыли, какъ мѣры „производительности труда“*.

Отъ методологіи Струве перейдемъ къ его „антиномiямъ“. Ссылаясь на критическій этюдъ Бёмъ-Баверка (который Струве голословно считаетъ „замѣчательнымъ“, а я, по высказаннымъ мною печатно основаніямъ, считаю крайне поверхностнымъ)—ссылаясь на этотъ этюдъ, Струве говоритъ, что содержаніе понятія цѣнности заключается „въ цѣнностномъ отношеніи“. Для меня не вполнѣ ясно, есть ли это собственное мнѣніе Струве или же передача имъ мнѣнія Бёмъ-Баверка? Такъ или иначе, но въ обоихъ случаяхъ это мнѣніе ошибочно. „Содержаніе понятія цѣнности“ *не* заключается (не исчерпывается) въ цѣнностномъ отношеніи, а идетъ дальше его: точно такъ-же, какъ содержаніе понятія плотности (масса единицы объема) не заключается въ удѣльномъ вѣсѣ, т. е. въ отношеніи между плотностью разныхъ веществъ и плотностью одного какого либо вещества, принятаго за единицу мѣры. (Для простоты я предполагаю, что вѣсъ единицы объема *точно* пропорціоналенъ массѣ). *Мѣновая цѣнность* играетъ роль удѣльнаго вѣса, но просто *цѣнность* играетъ роль абсолютнаго вѣса объемной единицы, т. е. аналогична плотности. Бёмъ-Баверкъ конечно этого не понимаетъ, такъ какъ въ одномъ изъ своихъ „замѣчательныхъ“ трудовъ онъ говоритъ, что „удѣльный вѣсъ“ измѣряется фунтами. Но Струве несомнѣнно знаетъ, что Марксъ различалъ (такъ сказать, удѣльную) мѣновую цѣнность отъ понятія

[1]) Безспорно, напр., что распредѣленіе продукта между указанными классами вліяетъ на *характеръ спроса и предложенія*, а этотъ вопросъ независимъ отъ теоріи *трудовой* цѣнности.

[2]) Удивляюсь, почему Струве не сослался прямо на первыя строки предисловія къ Principles Рикардо, гдѣ также идетъ рѣчь о „distribution“ (распредѣленіи между классами).

цѣнности, какъ кристаллизованнаго „абстрактнаго“ человѣческаго труда или, если угодно, рабочаго времени. А эта кристаллизація вовсе не „заключается“ или, точнѣе, не исчерпывается въ цѣнностномъ отношеніи. Цѣнность всего общественнаго продукта, дѣйствительно, не имѣетъ смысла, если ее понимать *только* какъ отношеніе. Но она имѣетъ полнѣйшій смыслъ, если ее понимать, какъ извѣстное количество кристаллизованныхъ рабочихъ дней. Далеко не все равно, составляетъ ли весь продуктъ результатъ ста тысячъ или милліона рабочихъ дней „абстрактнаго труда“. Итакъ, перенесеніе закона трудовой цѣнности съ отдѣльныхъ товаровъ на весь общественный продуктъ, *съ точки зрѣнія Маркса*, никакого „устраненія“ понятія цѣнности не обозначаетъ.

Въ концѣ концовъ, Струве самъ условно соглашается допустить это и приступаетъ къ другой, по его мнѣнію, „неустранимой“ антиноміи. Указаніе на эту антиномію, какъ замѣчаетъ Струве, принадлежитъ Туганъ-Барановскому. Но Струве полагаетъ, что Туганъ-Барановскій якобы „не формулировалъ своей мысли достаточно рѣзко“. Туганъ-Барановскій, по мнѣнію Струве, долженъ былъ счесть свою мысль не поправкой, а „упраздненіемъ“ теоріи трудовой цѣнности.

На этотъ упрекъ Туганъ-Барановскій уже отвѣтилъ въ нашемъ журналѣ, а поэтому говорить о его теоріи (съ которой я на половину согласенъ) я вовсе не стану и перейду къ той „болѣе рѣзкой и ясной формулировкѣ“, которую, послѣ сказаннаго, мы вправѣ требовать отъ самого Струве.

Его „формулировка“ антиноміи состоитъ въ слѣдующемъ: взявъ вмѣсто отдѣльнаго капитала совокупный общественный капиталъ и примѣняя къ нему термины и обозначенія, аналогичныя тѣмъ, какія мы находимъ у Маркса, Струве говоритъ, что паденіе дроби $\frac{M}{C+V}$ есть выраженіе закона прогрессивнаго паденія уровня прибыли. (Это есть отношеніе совокупной прибавочной цѣнности, получаемой всѣмъ классомъ капиталистовъ, къ совокупному же общественному капиталу, т. е. къ совокупному капиталу всѣхъ капиталистовъ, предполагая полное господство капитализма во всѣхъ отрасляхъ промышленности). Но съ другой стороны, по мнѣнію Струве, это отношеніе выражаетъ собою отношеніе чистаго продукта общества къ совокупному общественному капиталу. Здѣсь прежде всего я вижу неточность выраженія: чистый *продуктъ* (т. е. натуральную его форму) нельзя сравнивать съ общественнымъ *капиталомъ*, т. е. съ нѣкоторою *цѣнностью*. Это все равно, какъ еслибы Струве искалъ отношеніе между доскою и длиною аршина, вмѣсто того, чтобы искать отношеніе между *длиною* доски и *длиною* аршина. Допустимъ здѣсь простой недосмотръ (далѣе Струве прямо

говоритъ о цѣнностномъ отношеніи) и предположимъ, что рѣчь идетъ объ отношеніи между *цѣнностью* чистаго продукта и *цѣнностью* совокупнаго общественнаго капитала. Это, говоритъ Струве, и есть та величина, которою измѣряется ростъ производительности общественнаго труда.

Думаю, что въ этомъ случаѣ Струве могъ бы, дѣйствительно, выразиться „рѣзче и яснѣе“. Опредѣленное имъ отношеніе выражаетъ „производительность“ общественнаго труда лишь при особомъ пониманіи „производительности“, ибо „трудъ“ (т. е. рабочій классъ) ни мало не заинтересованъ въ цѣнности чистаго продукта, ускользающаго изъ рукъ живыхъ носителей рабочей силы. Отношеніе, о которомъ идетъ рѣчь, измѣряетъ прежде всего производительность кармановъ капиталиста. Вотъ „рѣзкое и ясное“ выраженіе. Но посмотримъ, что обозначаетъ формула Струве по отношенію къ производительности. Всѣмъ извѣстно чисто *технологическое* опредѣленіе производительности труда, состоящее въ томъ, что чѣмъ больше продукта производится въ единицу времени, тѣмъ производительнѣе трудъ. Но если вмѣсто количества продукта мы введемъ *цѣнность* продукта, а вмѣсто трудовой затраты—соотвѣтственную капитальную затрату (на мертвый и живой трудъ), то получимъ отношеніе цѣнности валового (не чистаго) продукта къ капитальной затратѣ. Правда, эта величина отличается отъ нормы прибыли на постоянную величину (равную единицѣ), а поэтому безразлично, взять ли отношеніе къ затратѣ валовой прибыли или же чистой прибыли [1]). Въ этомъ смыслѣ, дѣйствительно, „производительность труда“ измѣряется нормою прибыли, но не слѣдуетъ забывать, что продуктъ здѣсь прошелъ чрезъ горнило цѣнности. Итакъ, если Марксъ говоритъ, что прибыль имѣетъ тенденцію къ паденію, онъ утверждаетъ этимъ, что по мѣрѣ роста техническаго сложенія капитала, „производительность труда“ въ указанномъ смыслѣ, т. е. принявъ форму цѣнностнаго отношенія, уменьшается. Другими словами: тѣ самыя мѣры, которыя направлены къ возрастанію технической производительности, подкапываютъ не эту самую производительность, а совсѣмъ иную, такъ сказать, цѣнностную производительность, уменьшая относительную величину не только *цѣнности чистаго продукта*, но, какъ показано, и *цѣнности валового продукта*.

При такомъ истолкованіи формулъ Маркса и аналогичныхъ формулъ Струве, можно напомнить о томъ, что утверждали раньше

---

[1]) Дѣйствительно, $\frac{C+V+M}{C+V} = 1 + \frac{M}{C+V}$ и первая часть равенства падаетъ и повышается одновременно съ паденіемъ и повышеніемъ $\frac{M}{C+V}$.

Туганъ-Барановскій и пишущій эти строки. Туганъ указалъ на то, что тенденція къ пониженію уровня прибыли есть „мнимый законъ“, слѣдовательно, выразился никакъ не менѣе „ясно и рѣзко“, чѣмъ Струве. Я не считаю этого закона мнимымъ, но, полагаю, я не менѣе ясно и рѣзко указалъ на то, что тенденція эта вполнѣ парализуется повышеніемъ нормы прибавочной цѣнности [1]). Устраняя живую рабочую силу и замѣняя ее мертвою, капитализмъ, по строгому смыслу ученія Маркса, этимъ самымъ устраняетъ понемногу и самый источникъ цѣнности, значитъ—и прибавочной цѣнности. „Логическій абсурдъ“ былъ бы здѣсь въ томъ случаѣ, если бы Марксъ утверждалъ, что падаетъ не *цѣнностное* отношеніе, а отношеніе количества валового продукта къ количеству разныхъ продуктовъ, вошедшихъ въ составъ постояннаго и перемѣннаго капитала. Этого абсурда однако не рѣшается ему приписать и Струве. Но Струве забываетъ, что по Марксу техническая производительность труда лишь *выражается* въ „цѣнностной“ производительности и что выраженіе не есть выражаемое. Поэтому, по Марксу, вполнѣ возможно, что относительно-упавшая цѣнность продукта, все равно, валового или чистаго, соотвѣтствуетъ, быть можетъ, удесятеренному количеству продукта, удесятеренной технической производительности. Пусть общественный постоянный капиталъ прежде равнялся 100, перемѣнный 100 ед. цѣнности, цѣнность чистаго продукта пусть равнялась также 100. Пусть теперь перемѣнный капиталъ и цѣнность продукта остались прежними, а постоянный капиталъ сталъ равнымъ 200. Норма прибыли понизилась. Но кто сказалъ намъ, что *количество* чистаго продукта, которому соотвѣтствуетъ теперь цѣнность, равная по прежнему 100, осталось то-же, какъ и раньше, а не удесятерилось? Возможно, что производительность, понимаемая какъ количество продукта, произведеннаго въ единицу времени, стала въ 10 разъ больше прежней, несмотря на то, что норма прибыли понизилась. Правда, самъ Марксъ не вполнѣ ясно опредѣляетъ терминъ „производительность“. Но пусть Струве вспомнитъ хотя то, что говоритъ Марксъ о „производительности“ труда школьнаго учителя, каковая признается въ буржуазномъ мірѣ лишь тогда, когда учитель не только обработываетъ головы учениковъ, но и создаетъ прибавочную цѣнность для школьнаго антрепренера. Не ясно ли, что при нулевой *технической* производительности возможна очень высокая производительность въ смыслѣ *карманномъ*. Весь „логическій абсурдъ“, въ которомъ Струве упрекаетъ Маркса, сво-

[1]) Парализованіе пониженія нормы прибыли въ разсматриваемомъ Марксомъ случаѣ пониженія цѣнности элементовъ постояннаго капитала не имѣетъ ничего общаго съ моимъ рѣшеніемъ задачи.

дится къ непризнанію Марксомъ вліянія технической производительности труда на создаваемую трудомъ величину цѣнности. По Марксу, создастъ ли одинъ часъ „абстрактнаго труда“ 10 аршинъ сукна или 1000 арш.,—часъ останется тѣмъ же рабочимъ часомъ, дающимъ ту же цѣнность. Можно (какъ я это сдѣлалъ) не соглашаться съ этой теоріей; можно предложить другую теорію, основанную на другомъ постулатѣ и иномъ пониманіи „абстрактнаго труда“, но усматривать въ основной *посылкѣ* теоріи „абсурдъ“, по малой мѣрѣ, странно...

Результатъ: объясненія Струве отличаются отъ объясненій Тугана и моихъ тѣмъ, что вмѣсто валового продукта Струве беретъ чистый продуктъ, что, конечно, все равно, если рѣчь объ отношеніи цѣнностей. Но въ то-же время, Струве не замѣчаетъ, что производительность труда можно понимать двоякимъ образомъ, какъ *количество* валового или хотя бы даже чистаго продукта, созданное въ данное время, и какъ отношеніе цѣнности, все равно валового или чистаго продукта къ капитальной затратѣ. Это-то различіе онъ превращаетъ въ „антиномію“ и въ „логическій абсурдъ“. Если различіе количества продукта и его цѣнности назвать антиноміей, а несовпаденіе ихъ абсурдомъ, то Струве, пожалуй, правъ: но Марксъ тутъ ровно ни въ чемъ не повиненъ.

Исходя въ своемъ изслѣдованіи изъ „продукта“, Струве долженъ былъ постоянно помнить о капитальномъ различіи между технической производительностью труда, составляющей *базисъ* чистаго продукта, и тѣмъ *выраженіемъ* этой производительности, которое получается, когда чистый продуктъ пройдетъ черезъ горнило цѣнности (не говоря уже о денежномъ ея выраженіи—цѣнѣ). Что удивительнаго въ томъ, если двояко-выпуклое стекло изображаетъ, въ извѣстныхъ случаяхъ, разсматриваемый сквозь него предметъ перевернутымъ вверхъ ногами? Неужели и здѣсь Струве усмотритъ „антиномію?“ Что удивительнаго въ томъ, если цѣнностное выраженіе производительности труда, т. е. чисто карманная производительность, изображаетъ намъ техническую производительность порою въ обращенномъ видѣ? Это различіе такъ-же мало похоже на логическій абсурдъ, какъ и то, что по мѣрѣ увеличенія производительности труда, цѣнность *единицы* продукта не повышается, а наоборотъ, падаетъ. Вѣдь не подумаетъ же Струве, что задача техники состоитъ въ возможномъ удорожаніи продукта, лишь бы набить карманы капиталиста! Правда, самъ Марксъ далъ примѣръ *смѣшенія словъ:* онъ несомнѣнно называетъ производительностью и техническую производительность и карманную доходность. Но Марксъ всегда тщательно предохраняетъ отъ *смѣшенія понятій*. Это онъ дѣлаетъ какъ разъ и въ томъ, цитируемомъ Струве, мѣстѣ, гдѣ критикъ усматриваетъ „безбоязненное

формулированіе абсурда“ [1]). Марксъ говоритъ: „Прогрессивная тенденція всеобщаго уровня прибыли къ паденію есть, такимъ образомъ, лишь *присущее капиталистическому способу производства выраженіе* (курсивъ мой. М. Ф.) прогрессивнаго развитія общественной производительной силы труда“. Неужели же Струве не видитъ значенія употребленнаго здѣсь слова: *выраженіе?* Станетъ ли онъ утверждать, что выраженіе всегда изображаетъ въ прямомъ видѣ выражаемое имъ, и что выраженіе технической производительности въ „цѣнностномъ отношеніи“ тождественно съ самою техническою производительностью? Развѣ Марксъ допускаетъ, что по мѣрѣ роста постояннаго капитала самая техническая производительность убываетъ? Развѣ онъ говоритъ, что капиталы высшаго сложенія даютъ меньше „чистаго продукта“, считая продуктъ аршинами или пудами? Что же касается того, будто Марксъ совершенно упустилъ изъ виду случай паденія уровня прибыли внѣ капиталистическаго производства, то это вѣрно лишь съ оговоркой, что понятіе „прибыли“ внѣ капитализма совсѣмъ мѣняетъ смыслъ. Марксъ *разсмотрѣлъ* случай простыхъ товаропроизводителей и даже прямо подчеркнулъ, что и тамъ отношеніе, *аналогичное* нормѣ прибыли (но вовсе не тождественное съ нею), будетъ понижаться по мѣрѣ увеличенія цѣнности средствъ производства (аналогъ постояннаго капитала) по сравненію съ цѣнностью предметовъ, потребляемыхъ производителемъ на поддержку своей рабочей силы (аналогъ перемѣннаго капитала). Марксъ тамъ же указалъ, что это уменьшеніе нормы, *аналогичной* нормѣ прибыли, ни мало не можетъ интересовать самостоятельныхъ товаропроизводителей. Здѣсь, по моему мнѣнію, Марксъ дѣйствительно впалъ въ ошибку, на что мною и было указано. Разъ существуетъ не натуральное хозяйство, а мѣновое, самостоятельный производитель такъ же заинтересованъ въ *доходности* предпріятія, въ отношеніи цѣнности чистаго продукта къ цѣнности затратъ, какъ и капиталистъ: различіе лишь въ томъ, что, въ противоположность капиталисту, онъ можетъ порою выиграть на предметахъ своего личнаго потребленія (возмѣщающихъ его рабочую силу) то, что потеряетъ въ чистомъ продуктѣ, такъ какъ для него не существуетъ никакого антагонизма между прибылью и заработною платою, а обѣ эти величины сливаются въ одну, причемъ и понятіе „дохода“ измѣняется. Но если оставимъ въ покоѣ самостоятельныхъ товаропроизводителей и ограничимся однимъ капиталистическимъ строемъ, то весь результатъ критики Струве сводится къ тому, что критикъ смѣшиваетъ *косвенное цѣнностное*

[1]) Я вообще мало сочувствую такимъ неосторожнымъ выраженіямъ. А что, если абсурдъ окажется не на сторонѣ Маркса?

выраженіе производительности труда (въ нормѣ прибыли) съ прямымъ выраженіемъ ея въ количествѣ продуктовъ (или, если угодно, въ количествѣ сырья и другихъ вспомогательныхъ матеріаловъ, включая и изнашиваніе машинъ). Струве забываетъ, что ростъ *этой* производительности вовсе не неизбѣжно требуетъ роста величины производимыхъ цѣнностей и относительнаго ихъ повышенія по сравненію съ цѣнностью произведенныхъ затратъ, а вполнѣ совмѣстимъ съ относительнымъ убываніемъ этой преображенной „производительности“. Для того, чтобы утверждать, что по мѣрѣ роста технической производительности, вообще говоря, возрастаетъ и относительная цѣнность продукта по сравненію съ затратами, необходимо принять какъ разъ тотъ постулатъ, который принятъ мною, *т. е. необходимо отступить отъ Марксовой теоріи цѣнности.* Но можемъ ли мы поставить въ вину Марксу „антиномію“, оказывающуюся между его ученіемъ о паденіи нормы прибыли и тѣми теоріями цѣнности, которыхъ Марксъ не признавалъ?

Въ заключеніе замѣчу, что и Туганъ-Барановскій, въ общемъ давшій теорію, значительно сходную [1]) съ тою, которую я развилъ, хотя и независимо, но нѣсколько позже его, какъ бы сходится съ Струве по вопросу объ открытіи Марксомъ „прибавочнаго продукта“. Приписывать, однако, Марксу заслугу открытія и изслѣдованія „прибавочнаго продукта“ значитъ, по моему, не признавать истинныхъ заслугъ Маркса, признавая за нимъ заслуги весьма сомнительныя [2]). „Прибавочный продуктъ“ (не только въ земледѣліи, гдѣ его допускали физіократы, но и во всѣхъ отрасляхъ производства) былъ превосходно извѣстенъ Адаму Смиту. Нѣкоторые историки политической экономіи (напр. Н. Бунге), выискавъ весьма ясное указаніе прибавочнаго продукта у Милля и забывъ о томъ, что Смитъ давно зналъ эту истину, въ эпоху Милля ставшую уже банальною, превратили Милля въ предшественника Маркса въ области теоріи цѣнности. Все это совершенно неосновательно. Прибавочный или чистый продуктъ есть *базисъ*

[1]) Впрочемъ, я вовсе не признаю, чтобы обезьяны и машины сами по себѣ создавали цѣнности. Я лишь затрудняюсь опредѣлить „простой трудъ“, какъ трудъ, создающій цѣнности одной физіологической тратой, независящей отъ свойствъ сырья и орудій труда.

[2]) Туганъ-Барановскій прямо и говоритъ, что Марксъ—выдающійся соціологъ, но какъ экономистъ не представляетъ выдающейся оригинальности. Справедливо, что Марксъ *ввелъ въ политическую экономію соціологическую точку зрѣнія* (сравн. мои статьи: Соціологическое ученіе Маркса въ „Н. Обозр.“ 1897 г.) но не признавать за нимъ „оригинальности“ въ чисто-экономической области—значитъ высказать несомнѣнно оригинальное сужденіе, къ которому я, однако не могу присоединиться.

прибавочной цѣнности, т. е. гдѣ его нѣтъ, тамъ, разумѣется, не можетъ быть и капиталистическаго и вообще товарнаго производства; но специфическая форма прибавочнаго продукта весьма различна въ разныхъ обществахъ, и въ этомъ вся суть изслѣдованій Маркса. Для простого товаропроизводителя прибавочный или чистый продуктъ отличается отъ остальной части его дохода тѣмъ, что идетъ въ обмѣнъ, но никакъ не тѣмъ, что является результатомъ эксплуатаціи чужого труда, тогда какъ въ капиталистическомъ строѣ мы видимъ иное. Съ другой стороны, и при рабскомъ строѣ, прибавочный продуктъ есть результатъ эксплуатаціи чужого труда; но въ томъ случаѣ, когда рабскій строй соединенъ съ господствомъ *натуральнаго* хозяйства, этотъ чистый продуктъ можетъ не имѣть никакого внѣшняго цѣнностнаго выраженія, никакой продажной цѣны. Рабское хозяйство можетъ дать огромное количество продуктовъ, но если они не могутъ идти въ обмѣнъ, а должны потребляться самимъ рабовладѣльцемъ, то мѣновая цѣнность существуетъ лишь потенціально и не приводитъ къ полученію *прибыли*. Сваливать въ одну кучу всѣ виды прибавочнаго продукта, производимаго при самыхъ разнообразныхъ формахъ хозяйства, начиная съ натуральнаго и кончая капиталистическимъ, значитъ не дополнять „узко-экономическую“ теорію цѣнности широкими соціологическими обобщеніями, а наоборотъ, упразднять тотъ самый соціологическій элементъ, который господствуетъ въ изслѣдованіяхъ Маркса.

Въ видѣ заключенія укажу на то, что даже оставаясь совершенно строго въ рамкахъ „ортодоксальной“ теоріи, *слѣдуетъ признать вліяніе производительности труда на норму прибавочной цѣнности.*

Это признавалъ и Марксъ, хотя не всегда этимъ положеніемъ достаточно пользовался.

Дѣйствительно, вѣдь производительность труда повышается и въ тѣхъ отрасляхъ, которыя производятъ средства существованія рабочихъ. Если потребительный размѣръ этихъ средствъ не повысился *въ такой же мѣрѣ*, то это значитъ, что „необходимый трудъ“, воспроизводящій цѣнность рабочей силы, убываетъ: если раньше онъ равнялся, скажемъ, 6 ч. изъ 12, то теперь, быть можетъ, равенъ лишь 3 ч. изъ 12; мало того, *даже при уменьшеніи рабочаго дня* съ 12 на 10 ч. прибавочный трудъ равенъ теперь 7 ч., тогда какъ раньше онъ былъ равенъ лишь 6 ч. Норма приб. цѣнности равнялась раньше $\frac{6}{6} = 100\%$, теперь она равна $\frac{7}{3}$ т. е. 233 $\frac{1}{3}$ %. Если составъ „общественнаго капитала“ равнялся раньше 100.000 раб. дней, вложенныхъ въ средства производства, 100.000 дн., влож. въ рабоч. плату, а чистый продуктъ соотвѣтствовалъ 100.000 раб. дней, то теперь, когда вложено, скажемъ, 200.000 раб. дн. въ средства производства, пусть опять влагается 100.000 дн. въ раб. плату [1]). При распредѣленіи рабочаго дня на 3 ч. необх. и 7 прибавочн., на производство „общественной“ прибавочной цѣнности останется 233.333 раб. дн. Норма „общественной прибыли“ была раньше равна $\frac{100.000}{200.000} = 50\%$, теперь она равна $\frac{233.333}{300.000}$ = около 78%. Отсюда Струве, быть можетъ, увидитъ, что по вопросу о возможности *повышенія нормы „общественной прибыли“* ортодоксальная теорія примѣнима во всей ея строгости: стоитъ только допустить, что повышеніе производительности труда *обгоняетъ* ростъ производительнаго потребленія пищи или, точнѣе, ростъ общаго уровня средствъ существованія (standard of life) рабочихъ. Думаю, что есть не мало фактовъ, говорящихъ въ пользу такого теоретическаго допущенія.

М. Филипповъ.

[1]) Я нарочно беру самый запутанный случай, когда общее *число* рабочихъ *увеличивается* по мѣрѣ роста цѣнности общей массы средствъ производства. Я могъ бы взять и 95.000 дн. и даже 70.000 на воспроизв. раб. платы, соотвѣтственно уменьшивъ и прибавочный трудъ. Результатъ получится тотъ же, пока число рабочихъ не упадетъ ниже извѣстнаго предѣла.